

«Кто не работает, тот не ест». Тунеядство и тунеядки в советском обществе: по материалам Даугавпилсской городской прокуратуры и городской прессы (1953–1964)»

Iveta KRYLOVA
Даугавпилсский университет

Ключевые слова: *город Даугавпилс, женщина, пресса, Даугавпилсская городская прокуратура, советский период, тунеядство, тунеядка.*

В советский период, называемый «хрущевской оттепелью» (1953–1964), на территории Советской Латвии в советском обществе велась активная борьба против тунеядства как образа жизни личности, без оправдательных причин не работающей на благо советского государства. Борьба против тунеядства как пережитка капитализма и поведения, противоречащего советским законам и нормам морали, закреплённая законодательными актами СССР, также носила ярко выраженный идеологический характер. «Кто не работает, тот не ест!» – так гласил популярный лозунг советского времени, призывающий к борьбе против любого проявления тунеядства как паразитического существования за счёт общества.

12-ая статья Конституции СССР 1936 года гласила: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»» (*Конституция СССР 1936*).

Тунеядство в широком смысле – это паразитическое существование за счёт общества. По советскому уголовному праву было наказуемо тунеядство, заключавшееся в длительном, более четырёх месяцев подряд (или, в общей сложности, в течение года) проживании трудоспособного лица на нетрудовые доходы, с уклонением от общественно полезного труда (статья 209 УК РСФСР) (*БЮС 2003, 956*).

В Латвийской ССР аналогом статьи 209 УК РСФСР была статья 211 Уголовного кодекса Латвийской ССР (*LPSR KK 1961*).

Дефиниции «тунеядства» и его синонима «паразитизма» берут основу в законодательных актах СССР (*УК РСФСР 1960; Указ 1948* и др.), а также в 1951 году вышедшем неопубликованном Указе Верховного Совета СССР

от 23 июля 1951 года «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» (*Указ* 1951). Тунеядство – это злостное уклонение от общественной работы, а тунеядец и тунеядка – лица, уклоняющиеся от работы в пользу государства. В Советском Союзе под словом «тунеядство» понималось паразитическое существование лиц за счёт не отдельных граждан, а за счёт всего общества.

Данные понятия прочно закрепились в повседневной жизни и в народной речи, а также обильно использовались в прессе, обозначая не только женщин, которые осознанно жили на иждивении мужа, сожителя или семьи, особенно бездетных, а также спекулянтов, проституток, мошенниц, попрошаек, лиц с алкогольной зависимостью.

Суть статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР заключалась в следующем: часть первая предусматривала ответственность за систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также за ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни, а часть вторая предусматривала ответственность тех, кто уже был судим по первой части, но продолжает вести паразитический образ своей никчемной жизни. Более того, механизм применения статьи 209 был не так прост. Для того, чтобы человек попал в поле зрения общественности и правоохранительных органов, он должен был не только нигде не работать, но и жить на нетрудовые доходы (проституция, спекуляция и т. п.) и вести аморальный образ жизни. В разъяснениях к статье 209 четко определялось, кого можно считать тунеядцем, а кого нет. Нередко лица, на протяжении длительного времени уклонявшиеся без уважительных причин от общественно полезного труда, в качестве источника средств к существованию используют заработок других членов семьи (родителей, супруга). Если эти лица не заняты ведением домашнего хозяйства, они могут быть отнесены к категории тех, кто проживает на нетрудовые доходы (*Слободкин* 1980, 78).

Статьей 209 УК РСФСР была установлена ответственность за три разные формы т. н. «паразитического существования», образующие самостоятельные составы преступления, – занятие бродяжничеством, попрошайничеством, ведение иного паразитического образа жизни (*УК РСФСР* 1960). Под понятие «иного паразитического образа жизни» в течение длительного времени попадали те случаи, когда лицо уклоняется от общественно полезного труда и проживает на нетрудовые доходы более четырёх месяцев подряд или в общей сложности в течение года. И в этой связи ему сделано официальное предостережение о недопустимости такого образа жизни (*Павлов* 1985, 23).

Значит, тунеядкой или паразитом в советском обществе считалась любая женщина, не работающая на пользу государства без уважительных причин, отказавшаяся что-то менять. Это были женщины, начиная от деклассированных женщин с ярко выраженным маргинальным поведением (бродяги,

женщины с алкогольной зависимостью, воровки, мошенницы, женщины девиантного сексуального поведения), спекулянтки, подпольных «предпринимателей», до домохозяек по убеждению, живущих для семьи.

В данной статье на примере города Латвийской ССР Даугавпилса раскрыта проблема женского тунеядства в советском и в латвийском обществе периода хрущевской оттепели.

Основой исследования являются материалы дел прокуратуры Даугавпилсского Зонального государственного архива Латвийского Национального архива (далее ДЗГА ЛНА), 875 фонд, опись № 1. (*LNA DZVA*, 875. f., 1. apr.) и публикации в прессе города Даугавпилса – годовые комплекты за 1953–1964 годы печатных изданий горкома и райкома Коммунистической партии Латвии и исполкомов городского и районного совета «Падомью Даугава» (1957–1961) (на латышском языке), а также «Красное Знамя» (на русском (1953–1964) и латышском языках (1953–1957, 1961–1964).

Материалы дел прокуратуры ДЗГА ЛНА (875 фонд, опись 1) содержит 278 дел, в 33-х из них как лица, совершившие преступное деяние, фигурировали 43 женщины. Трое из них – две бродяжки и попрошайки и одна занимавшаяся проституцией в рамках двух уголовных дел совершали преступные деяния, имеющие признаки тунеядства (*LNA DZVA*, 875. f., 1. apr.). Преимуществом материалов прокуратуры как источников для реконструкции тунеядства как социального явления прошлого и места в нем женщин – тунеядок является глубокое и прямое раскрытие фактов быта данных женщин и социальных причин, подталкивающих их к жизненному образу, который в советское время назывался тунеядством.

А рефлексии Даугавпилсской городской прессы о проблеме женского тунеядства углубляет представление о причинах и проявлениях женского тунеядства в советском обществе, о противостоянии данному феномену советского режима и общества. Городские газеты отражали официальную позицию и мнение структур власти, а также являлись способом контроля и воспитания общества, идеологическим орудием в борьбе против любых проявлений женской маргинальности, не соответствовавших нормам Уголовного кодекса и других нормативных актов Латвийской ССР, а также «Моральному кодексу строителей коммунизма», в качестве моральных норм обобщающему и закрепляющему в 1961-ом году в одном источнике все ранее существовавшие нормы поведения социалистического быта, в том числе и против тунеядства. Чаще всего, проблема женского тунеядства была раскрыта в постоянных рубриках «Из зала суда», «На чистую воду», «На остриё пера», «Сорняки» и «За ушко, да на солнышко», которые имели место в каждом номере газеты.

До 1956 года (включительно) в газете «Красное Знамя» не был опубликован ни один материал, раскрывающий проблему правонарушений женщин, в том числе тунеядства: все внимание прессы было направлено на нарушения в производстве и в обслуживающей сфере, игнорируя проблемы поведения

некоторых лиц советского общества. Внимание к тунеядству пресса проявила только начиная с 1957 года, когда в СССР меняются приоритеты и вместе с тем направления борьбы с негативными явлениями в обществе. Автор работы это пояснила бы тем, что в конце 50-ых годов XX века «набирает обороты» хрущевская оттепель, что вызывает более открытое отношение к проблемам социалистического быта: о них заговорила и пресса.

Пресса боролась с любым проявлением женского тунеядства – иногда просто уклонения от низко оплаченной государственной работы. Государству были нужны рабочие руки, поэтому под прицелом прессы попадала почти любая неработающая женщина. Обычно их материально содержал кто-то из членов семьи (муж, родители, бабушки).

В статье «На иждивении... бабушки» осуждается семья иждивенков, состоящая из матери Ф. П., ее сына и двух ее совершеннолетних дочерей, 27-летней Нины и 20-летней Дресиды; их нисколько не смущает факт, что они содержатся на средства бабушки, о чем девушки открыто заявляют. Никто из них не работает. Все живут на пенсию своей 90-летней бабушки, которая, по слову автора статьи, «сидит в холоде, заброшенная всеми» (Г а л к и н 1962, 4). В статье «Из дневника тунеядки» в первом лице, в форме назидательной, дидактической истории, с 1960-го по 1964 год раскрыта жизнь нигде не работающей молодой женщины Анны Н., также живущей за счет бабушки. Дневник, конечно, писала не сама главная героиня статьи, это интерпретация автора. Девушку посещали общественники, члены бытовой комиссии и дружинники, и только под угрозой передачи дела в прокуратуру, что означало уголовную ответственность, девушка была вынуждена устроиться на завод мото– велоцепей (С о л н ц е в 1964, 4).

По материалам городской прессы, зачастую в тунеядстве обвинялись и домохозяйки. Статус домохозяйки у здоровой, работоспособной женщины советской властью косвенно акцептировался только в одном случае – если у женщины были маленькие дети или много детей (в городской прессе неоднократно упомянуты домохозяйки – «матери – героини»; в данных случаях, ее роль домохозяйки оправдана тем, что она рождает и воспитывает новых членов советского общества). В остальных случаях статус домохозяйки осуждался – домохозяйки не приносили пользы советскому государству и обществу.

Но чаще всего неработающие женщины, в том числе бездетные, были домохозяйками в стандартном понятии и традиционной роли (женщина – хранительница домашнего очага) патриархального общества, а заменить ценностную систему патриархального общества ценностной системой советского общества было не так уж быстро и просто. Тем не менее, домохозяйки в социалистическом обществе были регрессивным, исчезающим явлением – судя по публикациям в городской прессе, их было не так уж много. Большинство советских женщин стремились устроиться на работу, быть незави-

симыми, полезными обществу на равных правах с мужчинами и получить образование.

Хотя бездетные тунейдки осуждались, нигде в прессе не осуждались жены полковников и других высших чинов армейских частей, которые дислоцировались в микрорайоне города Крепости; их социальный статус в советском обществе как у жен освободителей и защитников СССР негласно был высок. Безусловно, такие были, но создание домашнего уюта для армейских лиц считалось делом чести женщины. Тем более, что семьи командиров часто переезжали, что заметно усложняло трудоустройство их жен. А также в прессе не упоминались неработающие жены руководителей парткомов, директоров заводов и других организаций – такие случаи подрывали бы авторитет этих лиц и, вместе с тем, самих структур власти.

В публикациях прессы строго осуждались не только пассивные тунейдки, но и те, чей образ жизни сочетался со злоупотреблением алкоголя и скандалами. Гражданка Д., живущая на улице Второй Товарной, дом 12, которая не работает, пьянствует и забывает о своем материнском долге (Dzimumzīmes 1962, 3); гражданка Н. Б., после посещения буфета устроившая скандал с поножовщиной в квартире у матери и на улице, за что ее приговорили на 15 суток с наказанием физического труда (Дневник милиции 1957, 2); гражданка Лариса Б., бросившая свою маленькую дочь (М и х а й л о в а 1964, 4); скандалистки мать и дочь А. – мать спекулянтка, а дочка – девушка легкого поведения (A v e r b u h a 1959, 3).

В статье с патетическим названием «Они отравляют воздух» осужден целый ряд тунейдок города. Главная героиня статьи – содержательница притона молодая мать Янина В. и ее антисоциальная компания: давно нигде не работающая торговка «Машка – Рыжая» (Марфа С), лишённые родительских прав Галина С. и Полина К., пьющая Леонтина С., воровка и мошенница Октябрина Ц. и ряд воров, спекулянтов и женатых мужчин. Янина не заботится о дочери и даже после неоднократного давления милиции не встала на верный путь трудоустройства. В статье дана детальная характеристика бытовых условий и антисанитарии в квартире Янины, что должно было вызвать отвращение у читателей (М у г а щ к о 1960, 4).

Таковыми женщинами усиленно занимались и правоохранительные органы, но особо усиленно правоохранительные органы города Даугавпилса обращали внимание на женщин с ярко выраженным девиантным сексуальным поведением.

По уголовному делу № 260 прокуратуры ДЗГА ЛНА, в 1959 году была арестована, но из-за нехватки улик оправдана некая Мария М. Ей выдвинули обвинение в тунейдстве, проституции и содержании притона, куда ходили офицеры и солдаты, там же они неоднократно были обворованы, но, чтобы избежать скандалов, влияющих на их служебную карьеру, они отказались писать заявления в милицию. На самом деле, по выводу следователя, цель жен-

щины была проста – родить десять детей и получить статус матери-героини, дающий ей разные материальные блага. Иначе зачем женщине, вступающей в беспорядочные половые связи с мужчинами и живущей за счет мужчин, столько детей, которые явно были помехой? И цель Марии была почти достигнута – детей было девять (*LNA DZVA*, 875. f., 1. apr., 260. l.).

Зачастую тунеядки занимались кражами и мошенничеством. Например, не работающая многодетная мать Феодосия З. за мелкие кражи у выпивших мужчин и мошенничество получила уголовное наказание – лишение свободы сроком на 2 года (*Noziedznieki sodīti* 1957, 4).

Внимание прессы удосужилась женщина цыганской национальности Ольга Л. и ее подруги – завсегдагаи колхозного рынка, промышленяющие гада-нием и мошенничеством (*G u k o v s* 1960, 3). Здесь принадлежность к определенной исторически маргинальной этнической группе и маргинальный образ жизни были взаимосвязаны. Поэтому в материалах прессы неоднократно, когда в правонарушениях фигурируют цыгане, акцентируется национальная принадлежность, и данное явление характерно только тогда, когда речь идет о цыганах. В этом – косвенное оправдание советской власти перед обществом в своем бессилии и неспособности изменить традиционный жизненный уклад цыганской нации. Ведь за все время существования Латвийской ССР случаи, когда цыгане работали, были единичны. Загнать их в рамки закона советской власти так и не удалось даже наказаниями.

Во все времена в обществе существовали морально деградированные женщины, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством, и даже советский режим не мог полностью искоренить данные явления.

В законодательстве СССР попрошайничество рассматривалось как разновидность тунеядства и стремление уклониться от общественно полезного труда, и за него предусматривалась уголовная ответственность (статья 209 Уголовного кодекса РСФСР «Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством»): «Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, продолжаемое после повторного предупреждения, сделанного административными органами, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.» (*УК РСФСР* 1960).

Попрошайничество, в совокупности с тунеядством, предусматривало крайнюю маргинализацию женщин. Женщины – бродяги встречались редко, в отличие от мужчин, которые часто упомянуты в прессе. Но, тем не менее, женское бродяжничество имело место. Попрошайничество, в совокупности с мелкими кражами, совершенными бродягами, являлось способом выживания крайне девиантных элементов женского пола с алкогольной зависимостью и богатым криминальным прошлым.

Так, в уголовном деле № 99 прокуратуры ДЗГА ЛНА (1961 год), две бездомные женщины-рецидивистки с сильной алкогольной зависимостью были

уличены в попрошайничестве и в краже постельного белья с чердачного помещения жилого дома, а также в карманных кражах на местном рынке (*LNA DZVA*, 875. f., 1.арг., 99. 1.).

Бродяги и попрошайки иногда попадали и в поле зрения прессы.

Еще одна категория тунеядок – женщины, промышляющие частной торговлей и спекуляцией. Они отличались от остальных групп тунеядок своим трудолюбием и стараниями на благо своей семьи. Но, даже если женщины работали не покладая рук, например, те, кто выращивали овощи, фрукты и домашний скот для рынка, или те, которых называли спекулянтками, общественного одобрения они не получали, потому что были заняты не общественно полезным трудом.

При этом под «общественно полезным трудом» понимался лишь труд в санкционированной государством форме. Самодельный и другой труд разрешался только в свободное от «общественно полезного труда» время, иначе он приравнивался к тунеядству. Учёба в государственном учебном заведении считалась достаточным эквивалентом «общественно полезного труда» (П а в л о в 1985, 23).

Историком Д. Блейере отмечено, что на самом деле масса частных торговцев были профессионалами – они производили товары не для собственного потребления, а для рынка, выращивая цветы и ранние овощи в приусадебных участках. Но при этом они должны были суметь доказать свое право весь день находиться на рынке (инвалид, пенсионер, в отпуске, сменная работа), иначе грозили проблемы с законом. Данное явление автор называет «серой экономикой» – государственные структуры терпели ее, но держали под контролем, чтобы «частные предприниматели» не слишком разбогатели. Но все-таки частное предпринимательство в любой форме было угрозой социальной иерархии советского общества, основывавшиеся на систему его ценностей, и угрозой для государственной монополии в экономике (В л е i e r e 2012, 126).

Советская пресса являлась идеологическим орудием, формировавшим негативное представление о лицах, которые вели частный бизнес, в частности – выращивание сельскохозяйственных продуктов для продажи. Так, в фельетоне «Домовладыки» упомянута «хозяйка гостиницы» (съемных квартир), «раба божья» – вдова старообрядческого попа Ефросиния Н., а также ее дочь Анна и внучка Лилия (живущие на иждивении у матери). У семьи «в саду, за железными воротами, (...) высится модернизирована оранжерея длиной в 16 метров, а в ней свыше 80 метров железных труб и отопительный «титан». Змеями вьются шланги для полива огорода, обильно оснащённых парников. Тут тебе и рассада, и огурчики, и помидорчики. Любит «праведница» и скотинку. Хлебом со своего стола борова откармливала. Только не оценили этой любви, не оценили» (К у д р я ш о в а 1963, 4). Статью украшает фото фасада дома. Вопрос – откуда автор знала, как устроена теплица изнутри и чем хозяйка кормит борова, если она могла сфотографировать дом только снаружи,

и не является ли объем частного производства плодом авторской фантазии? Зато в статье создан желаемый результат – негативный образ лицемерной религиозной личности с хулиганскими наклонностями, матери семейства тунеядцев, разбогатевшей за счет простых граждан. Образ «домовладыки» подчеркивает ее религиозность – в начале 1960-ых в СССР обострялась борьба против религии и верующих; особенно жестко она велась против священников и членов их семьи, что в статье удачно переплелось в создании крайне негативных образов трех верующих тунеядок.

В еще одном фельетоне с аналогичным названием описана семья В., владельцы дорогой машины марки «Волга», построившей дом с гаражом, который сдавался, а доходы позволяли жене Агафье не работать (К у д р я ш о в а 1963а, 3). А в статье «Общество против погони за легкой жизнью» (репортаж с собрания жильцов 3-го и 5-го домоуправления) сказано: законопроект об усилении борьбы против паразитов общества, о котором жильцам рассказал парторг товарищ Шаршун, предусматривает ограничение прав тех, кто нигде не работают, но пользуются благами общества. Были осуждены не только тунеядцы «в классическом понятии», но и те, которые в течение последних пяти лет самовольно оставили колхозы, чтобы заселиться в Даугавпилсе, проживая в частном секторе и нигде не работая, зато с усердием работают в своем хозяйстве и занимаются спекуляцией. Также осуждены те, которые в магазинах или у колхозников скупают сельскохозяйственные продукты и потом спекулируют ими (К r ū k l i s 1957, 2) Сельское население, угнетенное в колхозах тяжелым бытом и трудом, использовало любую возможность переселиться в город. А на практике сделать это, не имея паспортов, а значит, и городской прописки, что, в свою очередь, являлось залогом официального трудоустройства в городе, было крайне непросто. Эти люди просто бежали, заселяясь в частных домах, подальше от зоркого взгляда государственных структур, а чтобы не умереть от голода, подрабатывали, как могли.

Жестко городская пресса боролась с женщинами – официально неработающими спекулянтками. Под прицелом прессы попала тунеядка и спекулянтка приправами Надежда Б. и перекупщица кур В. (М а j о r o в а 1961, 4). А также прославилась «подпольный предприниматель» Зинаида Л., производящая в домашних условиях, с точки зрения автора, предметы плохого вкуса – гипсовые и глиняные фигурки для продажи на рынке (а разве то, что создано вне официального производства, могло быть знаком хорошего вкуса?) (К у д р j а š о в а 1960, 3); жена и муж С. – нелегальное производство и продажа модной обуви (К i r i l o v s, P e t r o v s 1961, 2) и многие другие. Теме женского тунеядства в совокупности со спекуляцией городская пресса посвящала много внимания.

Но, по любому, в законодательном уровне, подпольное «частное предпринимательство» и спекуляция, вне зависимости от мотивов данных активных женщин и социальных и экономических причин, были прямым путем к мар-

гинализации женщины. Женщина, занимающаяся куплей – продажей, или торгующая на рынке с целью получения материальных благ для своей семьи, не могла быть уважаемым членом советского общества.

Советская власть активно боролась с женским тунеядством, хотя далеко не всегда дело доходило до суда (о чем говорит наличие только двух уголовных дел в материалах городской прокуратуры; судя по публикациям в прессе, тунеядок в городе было намного больше).

Лиц, ведущих паразитический образ жизни (при отсутствии в их действиях признаков бродяжничества или попрошайничества), необходимо приглашать в органы внутренних дел для официального предостережения о недопустимости паразитического существования. Участковый обязан был предупредить тунеядку о ее обязанности устроиться на работу в месячный срок. Тунеядцам следует разъяснить, что в месячный срок они должны по своему усмотрению избрать место работы и трудоустроиться, а соответствующая помощь в трудоустройстве им может быть оказана исполкомом местного Совета народных депутатов. Если по истечении месячного срока такие лица не трудоустроились без уважительных причин, они могут быть привлечены к уголовной ответственности. Исполкомы местных Советов народных депутатов обязаны обеспечивать трудоустройство лиц, не занятых общественно полезным трудом, с учетом имеющейся у них специальности не позднее 15-дневного срока со дня обращения за содействием в трудоустройстве. Предписания исполкомов местных Советов о трудоустройстве таких лиц обязательны для руководства предприятий, учреждений, организаций (С л о б о д к и н 1980, 80).

Н. С. Хрущев считал, что условием эффективной борьбы с преступностью в советском обществе будет являться привлечение широкой общественности к поддержанию правопорядка (Б о г д а н о в 2011, 25). В его речах звучало следующее: «Совместно с партийными и комсомольскими организациями профсоюзные организации призваны обратить особое внимание на необходимость искоренения таких чуждых социалистическому обществу явлений, как хулиганство, пьянство, взяточничество, спекуляция, и других отвратительных пережитков прошлого» (КПСС 1959). Поэтому большую роль играла и разъяснительно – воспитательная работа разных общественных организаций – уже упомянутых дружинников, членов бытовой комиссии, участковых и других сотрудников милиции. А также общественность должна была помочь тунеядке с трудоустройством по той специальности, которой она владела, обязательно вовлекая в трудоустройство таких лиц, как руководство учреждений.

4 мая 1961 года на основании статьи 12 Конституции Президиумом Верховного Совета РСФСР был принят указ «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ

жизни», который гласил: «Установить, что совершеннолетние, трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность – честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда, извлекающие нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, автомашин, жилой площади или совершающие иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни, подвергаются по постановлению районного (городского) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путём, и обязательным привлечением к труду по месту поселения. Этим же мерам воздействия, назначаемым как по постановлению районного (городского) народного суда, так и по общественному приговору, вынесенному коллективами трудящихся по предприятиям, цехам, учреждениям, организациям, колхозам и колхозным бригадам, подвергаются также лица, устраивающиеся на работу на предприятия, в государственные и общественные учреждения или состоящие членами колхозов лишь для видимости, которые, пользуясь льготами и преимуществами рабочих, колхозников и служащих, в действительности подрывают дисциплину труда, занимаются частной предпринимательской деятельностью, живут на средства, добытые нетрудовым путём, или совершают иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни. Постановление районного (городского) народного суда или общественный приговор о выселении выносятся после того, когда лицо, ведущее паразитический образ жизни, несмотря на предупреждение общественных организаций или государственных органов, в установленный ими срок не встало на путь честной трудовой жизни» (У к а з 1961).

Иногда наказание тунеядок заключалось в предупреждении и в общественном выговоре, как это было сделано с жительницей 4-го домоуправления Б., которая потеряла работу в буфете из-за пристрастия к алкоголю и не заботилась о своем ребенке. Женщина была направлена на принудительное лечение от алкоголизма и предупреждена о возможном выселении из Даугавпилса в случае продолжения антисоциального образа жизни (T j u r i n s 1961, 4).

Женщины за тунеядство подверглись не только административной и уголовной ответственности, но и ограничению прав проживания в крупных городах. Но на практике в рассматриваемый период времени репрессии органов власти применялись к натуральным тунеядкам, не только живущим на чужом иждивении, ведущим аморальный образ жизни.

По Указу Президиума ВС СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», общим собраниям жителей было предоставлено право выносить общественные приговоры о выселении лиц, «которые упорно не желают честно трудиться, ведут антиобщественный образ жизни, подрывают трудовую

дисциплину и угрожают благосостоянию и безопасности жителей» (У к а з 1948). Данная статья дала возможность быстро избавиться от деклассированных женщин.

В 60-ые годы в СССР, в том числе и в Латвии, самое популярное мероприятие за асоциальный образ жизни было отправка провинившихся на принудительную работу в сельское хозяйство (В l e i e r e 2012, 83). Одинаково популярное было выселение за «101 километр». Этот прием членами советского общества использовался в более тяжелых случаях, когда тунеядки своим антисоциальным образом жизни порядком всем надоедали.

«101 километр» – неофициальное название ограничения прав в СССР – запрет поселения для судимых и, с точки зрения советских общественных норм морали, нежелательных для общества, маргинальных категорий лиц. Данное ограничение предусматривало запрет поселения ближе чем 100 километров от столиц советских республик и стратегически важных городов. Запрет не давал возможности получить прописку и поселиться на данных территориях. Во время хрущевской оттепели данный запрет применялся для разного рода тунеядцев. Цель ограничения – изоляция нежелательных элементов от общества (101 kilometers 2011, 4). Данное ограничение применялось и к жителям города Даугавпилса как второго по величине города Латвийской ССР. Чаще всего, судя по материалам городской прессы, применялось выселение сроком на 5 лет.

В анонимном письме в редакцию «Из города – вон» описано, как нигде не работающая, ранее уже упомянутая Леонтина С. с сожителем за систематическое пьянство и нарушение покоя соседей выселены как тунеядцы из города на 5 лет (Из города – вон 1963, 4). В публикации «Разве так поступают» за паразитический образ жизни, пьянство и попрошайничество товарищеским судом осуждена Ф. Б. После отказа лечения от алкоголизма и трудоустройства городским исполкомом она выселена из города на пять лет (Т j u r i n s 1962, 3). Также товарищеским судом на 5 лет выселены мать Анна Т. и ее 18-летняя дочь Зинаида С. Матери инкриминированы тунеядство (живет богато, хотя никогда нигде не работала) и мелкие кражи, в том числе у соседей (развешенное белье, дрова). Дочери – занятие проституцией и связь с женатым мужчиной, отцом многодетной семьи (что, возможно, и послужило мотивом для общественной расправы 230 жильцов 4-го управления с семьей). Также за наличие членов семьи в местах лишения свободы, оргии и скандалы в квартире (G u l b e 1958, 4).

В заключении можно сделать вывод, что анализ материалов Даугавпилсской городской прокуратуры и прессы углубляет представление о причинах, проявлениях женского тунеядства и о борьбе с тунеядством советского режима и общества. Обобщая причины женского тунеядства в 50-ые – 60-ые годы XX века в Латвийской ССР на примере городе Даугавпилсе, можно выделить несколько категорий:

- 1) тунеядство для женщин с низким уровнем образования и профессиональных навыков как способ уклониться от грустной перспективы городского бытия – тяжелого, низко оплачиваемого труда на производстве, используя возможность быть на иждивении супруга, родителей, родственников или других лиц;
- 2) вынужденное женское тунеядство как продукт остатков патриархального строя в советском обществе. Несмотря на формальное равенство полов в социалистическом обществе, эти женщины были воспитаны по-другому, некоторые имели опыт проживания в другом государственном строе, в котором быть домохозяйкой, хранительницей домашнего очага и создавать домашний уют для мужа и детей – норма, которая поощрялась. Иногда не работающая жена – вопреки общественному осуждению, желание и требование ее мужа, а желание самой женщины не учитывалось;
- 3) тунеядство из-за обладания другим, полулегальным (приусадебное хозяйство, частное производство, услуги) или запретным источником дохода (спекуляция, подпольное производство, проституция, гадание, воровство, мошенничество и другие источники выживания);
- 4) тунеядство как проявление общей девиантности женщины: морально деградированные женщины с алкогольной зависимостью, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством;
- 5) тунеядство как образ жизни этнической группы (женщины цыганской национальности);
- 6) тунеядство из-за отсутствия возможности легального трудоустройства (беглые бывшие колхозницы, живущие в городе без городской прописки).

Данные причины женского тунеядства структуры власти полностью искоренить не могли, даже при помощи угрозы уголовной ответственности. Поэтому борьба советской власти с женским тунеядством не всегда была эффективной, и полностью искоренить ее, не смотря на суровые наказания, не удалось. Всегда в любом обществе будут женщины девиантного поведения, образ жизни которых не совместим с трудовой деятельностью. А также будут женщины, желающие уклонением от трудовой деятельности облегчить свою женскую участь, и будут члены семьи, готовы взять на иждивение таких женщин. Традиции и моральные ценности патриархального семейного уклада, согласно которым роль женщины – домохозяйка, не меняются за 10–15 лет советской власти. А поиск альтернативных путей и источников дохода – практика выживания в условиях тяжелого советского быта.

Для советской власти проблема женского тунеядства была серьезнее мужского тунеядства. Не работающие женщины своим, негативным для советского трудового общества, примером воспитывали детей и влияли на деградацию подрастающего поколения, особенно молодых женщин, показывая, что даже в советском обществе можно жить иначе, и этим создавали новые проблемы в борьбе с тунеядством.

Библиография

Источники

- LNA DZVA* – Latvijas Nacionālā arhīva Daugavpils zonālais valsts arhīvs, 875. fonds „Daugavpils pilsētas prokuratūra”, 1. apraksts.
- LPSR KK 1961* – *Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas kriminālkodekss*, Rīga: Latvijas PSR Augstākās Padomes prezidijs, 1961.
- Конституция 1936* – *Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик*. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом СССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями).
- КПСС 1959* – *Внеочередной XXI съезд КПСС*. 27 января – 5 февраля 1959: Стенографический отчет. Москва, 2, 547.
- УК РСФСР 1960* – *Уголовный кодекс РСФСР* от 27 октября 1960 года (с последующими изменениями и дополнениями).
- У к а з 1948 – Указ Президиума СССР от 2 июня 1948 года «*О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни*».
- У к а з 1951 – Указ Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 года «*О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами*».
- У к а з 1961 – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 «*Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни*».

Литература

- 101 kilometrs 2011 – „101 kilometrs. Padomju tuvā trimda”, *Diena*, 29.10.2011., 4.
- A v e r b u h a 1959 – G. Averbuha, „Mācība daudziem”, *Padomju Daugava*, 249 (400), 15.10., 3.
- B l e i e r e 2012 – D. Bleiere, *Dzīve ārpus Eiropas. Dzīve Latvijas PSR*, Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.
- Dzimumzīmes 1962 – „Dzimumzīmes”, *Krasnoje Znamja*, 43. (971), 29.07. 3.
- G u k o v s 1960 – G. Gukovs, „Redzētas sejas”, *Padomju Daugava*, 190 (601), 23.09.1960., 3.
- G u l b e 1958. – J. Gulbe, „Tādiem mūsu pilsētā nav vietas”. Sabiedriskās tiesas priekšā, *Padomju Daugava*, 44. (249), 04.03.1958., 4.
- K i r i l o v s, P e t r o v s 1961 – V. Kirilovs, J. Petrovs, „Modes kurpes”, *Padomju Daugava*, 6 (763), 09.05.1961., 2.
- K r ū k l i s 1957 – A. Krūklis, „Sabiedrība pret vieglas dzīves tīkotājiem”, *Padomju Daugava*, 212 (1372), 25.10., 2.
- K u d r j a š o v a 1960 – O. Kudrjašova, „Kad jāsarkst pat ģipsim”, *Padomju Daugava*, 244 (655), 09.12., 3.
- M a j o r o v a 1961. – V. Majorova, „Uzpircēji kļūst arvien nekaunīgāki”, *Krasnoje Znamja*, 44 (801), 01.07., 4.
- M u r a š k o 1960 – O. Muraško, „Viņi saindē gaisu”, *Padomju Daugava*, 72. (483), 10.04., 4.
- Noziedznieki sodīti 1957 – „Noziedznieki sodīti”, *Padomju Daugava*, 200 (1360), 15.09., 4.

- T j u r i n s 1961 – A. Tjurins „Sabiedriskās tiesas priekšā”, *Padomju Daugava*, 61 (472), 26.03., 4.
- T j u r i n s 1962 – A. Tjurins, „Vai tā jāģīkojas?”, *Krasnoje Znamja*, 53 (981), 15.03., 3.
- Б о г д а н о в 2012 – С. Богданов, *Попытки Н. С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР*, Российский историко – архивоведческий журнал «Вестник архивиста», 21.07., 8–12.
- БЮС 2003 – *Большой юридический словарь*, под. ред. А.А. Сухарева, Москва: Инфра.
- Г а л к и н 1962 – А. Галкин, «На иждивении... бабушки», *Красное Знамя*, 44 (972), 03.03., 4.
- Дневник милиции 1957 – Дневник милиции, «От безделья», *Красное Знамя*, 159 (1319), 11.08., 4.
- Ф и ц п а т р и к 2008 – Ш. Фицпатрик, «Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР», *Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985*. Москва: ЦСПГИ, Вариант, 219–257.
- Из города – вон 1963 – «Из города – вон», *Красное Знамя*, 7 (4802), 13.01., 4.
- К у д р я ш о в а 1963 – О. Кудряшова, «Домовладыки», *Красное Знамя*, 183 (4978), 17.11., 4.
- К у д р я ш о в а 1963а – О. Кудряшова, «Домовладыки», *Красное Знамя*, 184 (4979), 19.11., 3.
- М и х а й л о в а 1964 – А. Михайлова, «Лариса Битан развлекается», *Красное Знамя*, 201 (5204), 18.12., 4.
- П а в л о в 1985 – В. Павлов, «Вопросы уголовной ответственности за ведение паразитического образа жизни», *Правоведение*, 5, 23–28.
- С л о б о д к и н 1980 – Ю. Слободкин, «Ответственность лиц, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», *Правоведение*, 3, 78–81.
- С о л н ц е в 1964 – К. Солнцев, «Из дневника тунеядки», *Красное Знамя*, 34 (5037), 28.02., 4.

Iveta Krylova

Kas nedarba, tas nevalgo. Parazitizmas ir parazitas sovietinēje visuomenēje: Daugpilio prokuratūros ir miesto spaudos (1953–1964 m.) analizē

S a n t r a u k a

Pagrindinēs sąvokos: *Daugpilio miestas, moteris, spauda, Daugpilio miesto prokuratūra, sovietmetis, parazitizmas, parazitas.*

Sovietmečiu, vadinamuoju „Chruščiovo atšilimo“ (1953–1964 m.) laikotarpiu, Latvijoje buvo aktyviai kovojama su parazitizmu – taip vadinamu gyvenimo būdu, kai žmogus be pateisinamų priežasčių nedarba sovietinės valstybės naudai. Kova su parazitizmu, įteisinta

TSRS norminiais aktais, turėjo aiškų ideologinį pobūdį. *Kas nedirba, tas nevalgo* – populiarus sovietmečio šūkis, kuriuo buvo stengiamasi kovoti su bet kokių parazitizmo, kaip gyvenimo visuomenės sąskaita, pasireiškimu. Posakis apie parazitinį gyvenimo būdą buvo taikomas ir moterims, kurioms būdingas asocialus elgesys (valkatavimas, priklausomybė nuo alkoholio, vagiliavimas, sukčiavimas, spekuliacijos ir pan.). Taip buvo vertinamos netgi namų šeimininkės, galvojančios tik apie savo šeimą ir vaikus. Straipsnyje nagrinėjama moterų parazitizmo problema šio laikotarpio Latvijos visuomenėje.

Atliekant tyrimą remtasi Latvijos nacionalinio archyvo (DZGA LNA) (875 fondas, inventoriaus Nr. 1) Daugpilio regioninio valstybės archyvo baudžiamųjų bylų medžiaga ir publikacijomis Daugpilio spaudoje – 1953–1964 m. leidiniuose *Padomju Daugava* ir *Red Banner*.

Prokuratūros medžiaga naudojama kaip šaltinis, įgalinantis atkurti parazitizmą kaip socialinį praeities reiškini: apima išsamią tokių moterų gyvenimo ir socialinių priežasčių, lėmusių jų gyvenimo būdą, analizę. Daugpilio miesto spauda rašė apie moterų parazitizmo problemą, priežastis ir apraiškas sovietinėje visuomenėje, apie pasipriešinimą šiam sovietinio režimo ir visuomenės reiškiniui.

Iveta Krylova

“Who does not kill hogs will not get black puddings” – Parasitism and Parasite in Soviet Society (based on the materials of the Daugavpils City Prosecutor’s Office and the city press (1953–1964))

S u m m a r y

Keywords: *Daugavpils city, woman, press, Daugavpils city Prosecutor’s Office, Soviet period, parasitism, parasite.*

In the Soviet period, also called “Khrushchev thaw” (1953–1964), in the territory of Latvia, in the Soviet society it was actively fought against parasitism as a way of life of any person, who without justifiable reasons was not working for the benefit of the Soviet state. The struggle against parasitism, codified by the normative acts of the USSR, also had a clearly expressed ideological character. “Who does not kill hogs will not get black puddings” – a popular slogan of the Soviet era, pressing to a struggle against any manifestation of parasitism as a parasitic existence at the expense of society. A parasitism or parasite in Soviet society was any woman ranging from women with pronounced marginal behavior (tramps, women with alcohol addiction, thieves, fraudsters, women of deviant sexual behavior), underground business leaders to housewives who care only about their family and children. The article investigates the problem of female parasitism in the Soviet and in the Latvian society of that historical period in the city Daugavpils.

The basis of the investigation are the materials of the prosecution cases of the Daugavpils Regional State Archive of the Latvian National Archive (DZGA LNA), 875 fund, inventory number 1 as well as the publications in the press of Daugavpils: annual issues between 1953 and 1964 “*Padomju Daugava*” and “*Red Banner*”.

The materials of the prosecutor's office are used as the sources for the recreation of the parasitism as a social phenomenon of the past. The analysis covers a deep and fully showdown of facts of the existence of these women and social reasons that pushed them to the life image that was called parasitism during the Soviet era. The reflection of the Daugavpils city press about the problem of female parasitism deepens the idea of the causes and manifestations of female parasitism in Soviet society as well as the opposition to this phenomenon of the Soviet regime and society.

I v e t a K R Y L O V A
Daugavpils Universitāte
Vienības iela 13
LV-5401 Daugavpils
Latvia
[nikki75@inbox.lv]

*Straipsnis gautas 2018 m. rugpjūčio 24 d., priimta 2020 m. vasario 12 d.
Received 24 August 2018, accepted 12 February 2020.*